

Макар Чудра — эпизод 2 из 5

Не было по тем краям деревни, в которой бы пяток-другой жителей не давал богу клятвы убить Лойко, а он себе жил, и уж коли ему понравился конь, так хоть полк солдат поставь сторожить того коня все равно Зобар на нем гарцевать станет! Эге! разве он кого боялся? Да приди к нему сатана со всей своей свитой, так он бы, коли б не пустил в него ножа, то наверно бы крепко поругался, а что чертям подарил бы по пинку в рыла это уж как раз!

И все таборы его знали или слышали о нем. Он любил только коней и ничего больше, и то недолго поедит, да и продаст, а деньги, кто хочет, тот и возьми. У него не было заветного нужно тебе его сердце, он сам бы вырвал его из груди, да тебе и отдал, только бы тебе от того хорошо было. Вот он какой был, сокол!

Наш табор кочевал в то время по Буковине, это годов десять назад тому. Раз ночью весенней сидим мы: я, Данило солдат, что с Кошутым воевал вместе, и Нур старый, и все другие, и Радда, Данилова дочка.

Ты Нонку мою знаешь? Царица-девка! Ну, а Радду с ней равнять нельзя много чести Нонке! О ней, этой Радде, словами и не скажешь ничего. Может быть, ее красоту можно бы на скрипке сыграть, да и то тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает.

Много посушила она сердец молодецких, ого, много! На Мораве один магнат, старый, чубатый, увидел ее и остолбенел. Сидит на коне и смотрит, дрожа, как в огневице. Красив он был, как черт в праздник, жупан шит золотом, на боку сабля, как молния сверкает, чуть конь ногой топнет, вся эта сабля в камнях драгоценных, и голубой бархат на шапке, точно неба кусок, важный был господарь старый! Смотрел, смотрел, да и говорит Радде: Гей! Поцелуй, кошель денег дам. А та отвернулась в сторону, да и только! Прости, коли обидел, взгляни хоть поласковой, сразу сбавил спеси старый магнат и бросил к ее ногам кошель большой кошель, брат! А она его будто невзначай пнула ногой в грязь, да и все тут.

Эх, девка! охнул он, да и плетью по коню только пыль взвилась тучей.

А на другой день снова явился. Кто ее отец? громом гремит по табору. Данило вышел. Продай дочь, что хочешь возьми! А Данило и скажи ему: Это только паны продают все, от своих свиней до своей совести, а я с Кошутым воевал и ничем не торгую! Взревел было тот, да и за саблю, но кто-то из нас сунул зажженный трут в ухо коню, он и унес молодца. А мы снялись, да и пошли. День идем и два, смотрим догнал! Гей вы, говорит, перед богом и вами совесть моя чиста, отдайте девку в жены мне: все поделю с вами, богат я сильно!

Горит весь и, как ковыль под ветром, качается в седле. Мы задумались.
А ну-ка, дочь, говори! сказал себе в усы Данило.
Кабы орлица к ворону в гнездо по своей воле вошла, чем бы она стала?
спросила нас Радда.
Засмеялся Данило, и все мы с ним.
Славно, дочка! Слышал, господарь? Не идет дело! Голубок ищи те податливей.
И пошли мы вперед.
А тот господарь схватил шапку, бросил ее оземь и поскакал так, что земля задрожала. Вот она какова была Радда, сокол!
Да! Так вот раз ночью сидим мы и слышим музыка плывет по степи. Хорошая музыка! Кровь загоралась в жилах от нее, и звала она куда-то. Всем нам, мы чуяли, от той музыки захотелось чего-то такого, после чего бы и жить уж не нужно было, или, коли жить, так царями над всей землей, сокол!
Вот из темноты вырезался конь, а на нем человек сидит и играет, подъезжая к нам. Остановился у костра, перестал играть, улыбаясь, смотрит на нас.
Эге, Зобар, да это ты! крикнул ему Данило радостно. Так вот он, Лойко Зобар!
Усы легли на плечи и смешались с кудрями, очи, как ясные звезды, горят, а улыбка целое солнце, ей-богу! Точно его ковали из одного куска железа вместе с конем. Стоит весь, как в крови, в огне костра и сверкает зубами, смеясь!